

На обложке «Теленедели» двухгодичной давности красовался темноволосый мужчина лет тридцати пяти, с небрежным шиком развалившийся в кресле — на фоне панелей из красного дерева, мраморных статуэток, расписных глиняных горшков, морд африканских идолов и пылающего камина (причем настоящего камина, не какого-то там пластикового муляжа с подсветкой).

В одной руке мужчина держал бокал красного вина, другой обнимал за талию хорошенькую стриженую брюнетку, привалившуюся к боковине кресла. У брюнетки был остренький носик и такой внимательный, ироничный взгляд, что сразу становилось ясно — эта женщина никогда не позволит чувствам владеть собой.

Перед парой на полу (паркет тоже из красного дерева?) сидел мальчик лет семи в такой небрежной, естественной позе и с такой живой, чуть капризной улыбкой, что было ясно — фотограф убил на данное фото немало времени, добываясь этой самой непринужденности от всех персонажей.

Внизу снимка был напечатан анонс — «Дмитрий Гагарин — о себе, о своем даре, о своей семье. См. с. 4».

Четвертая страница журнала тоже начиналась с большого фото, чуть не во весь разворот — мраморная лестница, по обеим сторонам красной дорожки — толпа народа (улыбки, восторг на лицах, ладони, замершие в рукоплесканиях, и цветы, цветы, цветы). В центре, над толпой, на вершине лестницы, стоял тот же самый мужчина, с лицом строгим и отрешенным, в поднятой над головой руке его была полупрозрачная, тяжелая даже на вид скульптура — скорее всего, из хрусталя. Скульптура представляла собой глаз на постаменте, причем глаз этот напоминал невольно глаз женщины с обложки — таким он был прозрачно-огромным, широко распахнутым.

Сноска внизу — «Дмитрий на финале «Дуэли магов», где он завоевал первое место».

Сбоку на первое фото наплывало другое, поменьше — «Дмитрий в прошлом году, на финале предыдущей «Дуэли магов», где он был вторым».

Далее начиналось само интервью Гагарина, которое он давал журналисту Алексею Меркулову:

«Корреспондент. Дмитрий, скажите, Гагарин — это не псевдоним?

Дмитрий. Нет, это моя настоящая, «родная» фамилия.

Корреспондент. Не родственник ли вы нашего первого космонавта?

Дмитрий (смеется). Увы! К Юрию Гагарину не имею никакого отношения. Я из рода других Гагариных.

Корреспондент. Неужели князей?

Дмитрий. Да, я из древнего рода князей Гагариных.

Корреспондент (хитро). И документики есть?

Дмитрий (смеется). Да, есть. Много документов. Причем настоящих, не липовых, как у большинства нынешних псевдодворян. Мне повезло — историю моей семьи можно легко проследить по крайней мере с восемнадцатого века и до нынешних дней.

Корреспондент. Значит, ваши предки не эмигрировали из России после революции 1917 года, как большинство дворян?

Дмитрий. Нет. Прадед был академиком, ведущим специалистом сельского хозяйства, а по складу характера — анархистом и бунтарем. Родину бросить не пожелал, охотно стал сотрудничать с новой властью. Была у него мечта — накормить всех голодных... Выводил новые сорта пшеницы, стойкой к морозу и засухе, в чем и преуспел. Большевики его не тронули — такого уровня профессионалы всегда нужны. Дед потом отличился как военный... Ну а при Хрущеве за то, что предки были из князьев, уже не расстреливали — отец мой от власти вообще никак не пострадал, стал известным инженером, строил мосты, многие из которых действуют до сих пор. Словом, мы, Гагарины, как-то сумели прожить при советской власти.

Корреспондент. Удивительно — словно высшие силы хранили ваш род!

Дмитрий. Я бы так не сказал. Несчастий хватало, но... Обошлось малой кровью. Давайте лучше о хорошем. Позитив нынче в моде.

Корреспондент. Согласен. Скажите, когда вы поняли, что у вас есть дар?

Дмитрий (серьезно). В тридцать лет. Это произошло внезапно. Я попал в автомобильную аварию. Когда очнулся в больнице, вдруг понял, что я, словно рентген, вижу людей насквозь, знаю о них то, что знать вроде бы не должен...

Корреспондент. А что тут удивительного? Вы ведь по профессии психолог.

Дмитрий. Даже психолог может предугадать и угадать не все. Немного позже я понял, что у моего дара есть некая особенность, специфика, если можно так сказать... В первый раз это случилось именно тогда, когда я еще лежал в больнице. Исчез хирург из травматологического отделения — вышел из дома на работу, но в больнице так и не появился. Дозвониться по сотовому не получалось. Коллеги забили тревогу... Я сказал, что человека надо искать в подвале его собственного дома. К счастью, моим словам вняли... Хирург действительно находился в подвале — собираясь на работу, услышал, как где-то там, внизу, беспомощно мяукает котенок, решил поделиться с бедолагой бутербродом, но дверь в подвал захлопнулась. Телефон сигнал не ловил... Благодаря моим инструк-

циям человека быстро вызволили из заточения. История почти юмористическая, к счастью.

Корреспондент. Вы — победитель «Дуэли магов». Год назад вы заняли второе место, недавно — стали первым. Такой стремительный взлет! Вас теперь знает вся страна...

Дмитрий. Да, лишний раз из дому не выйдешь. Даже не думал, что развлекательные шоу смотрит столько людей.

Корреспондент. «Дуэль магов» тем и известна, что постановочные эффекты там сведены к минимуму. Расскажу о «Дуэли» тем нашим читателям, кто еще не смотрел эту передачу. Суть ее заключается в том, что набирается команда людей, наделенных некими сверхъестественными способностями. Им необходимо пройти всевозможные испытания, простые и сложные: определить местонахождение какого-либо человека, угадать его судьбу, отыскать спрятанную в заброшенном доме вещь и многое другое... В процессе испытаний отсеиваются слабые. Тот, кто прошел все этапы игры, становится победителем «Дуэли магов». (*Неожиданно.*) Дмитрий, а про меня — что вы можете сказать?

Дмитрий. Можно вашу руку? (*После паузы.*) Берегите ноги. Что-то скользкое, гладкое... Неприятности. Наверное, вам не стоит выходить из дома в гололед, я так думаю...

Корреспондент. О да, не чищенные зимой тротуары — это бич любого большого города...

Дмитрий. Понимаю вашу иронию. Не так давно вы женились. И... и скоро станете отцом.

Корреспондент (потрясенно). Боже... боже мой! Только сегодня, буквально перед выходом из дома, жена мне сказала, что, возможно... Она даже к доктору еще не обращалась... Дмитрий, я потрясен! Об этом действительно еще никто не знает! И я очень надеюсь, что это правда.

Дмитрий. Будет девочка. Но у вас есть еще вопрос ко мне. Вы хотите знать, куда исчез ваш родственник. Мужчина. Молодой мужчина.

Корреспондент. Это поразительно. Я действительно не мог не воспользоваться своим служебным положением. Три года назад мой двоюродный брат ушел из дому... Ему было всего семнадцать... Поиски ни к чему не привели...

Дмитрий. Почему было? Ему сейчас двадцать. Он где-то в большом городе, сравнимом с Москвой. Наверное, в Питере. (*Закрывает глаза.*) Да, я вижу воду, много рек и каналов, старинные здания... Он в Питере. Почему-то под землей. А... Он живет в неформальной среде, играет на гитаре в переходах метро.

Корреспондент (потрясенно). Да, до нас доходили слухи, был один звонок еще... Значит, это правда. Брат с раннего детства постоянно убегал из дома, его тянуло на улицы...

Дмитрий. Не беспокойтесь о нем. Он из тех, кого называют бродягами. На одном месте он все равно жить не сможет.

Корреспондент. Это невероятно... Вы действительно настоящий поисковик. Так вы себя называете?

Дмитрий. Да, моя специализация как экстрасенса, если можно так выразиться, — поисковик. Ищу людей, живых или мертвых. И обычно нахожу...

Корреспондент. Князь, да еще экстрасенс... Наверное, нелегко приходится вашей супруге! Вы ведь видите ее насквозь...

Дмитрий (смеется). Скорее это Полина меня насквозь видит!..»

Иванка не стала дочитывать интервью, которое она и так знала почти наизусть. Дальше было неинтересно — про жену Полину, сына Артемия, ставшего в тот год первокласником...

Она только еще раз взгляделась в фото Полины на обложке — из чисто женского любопытства и вечно, неистребимого желания соперничать и сравнивать.

«Симпатичная, но не красавица... Невысокого роста, должно быть. Даже очень невысокого. Как травести. Маленькая собачка — всегда щенок... Но эти глаза! Боюсь таких женщин: мягко стелет, да жестко спать!»

Обычно Иванка старалась не судить никого по внешнему виду, да и злоязычием никогда не страдала — но тут уж не сдержалась.

Словно женщина на фото была действительно ее соперницей. Это, наверное, потому, что Дмитрий Гагарин

равился Иванке — и внешне, по фотографии, и как говорил, рассуждал. Красивый и умный. Князь. Судя по интерьеру квартиры — богач. Экстрасенс еще...

Иванка захлопнула журнал, втиснула его в дорожную, распухшую от вещей сумку, стоявшую рядом, на диванном сиденье, и откинулась назад.

Дыдых-дыдых, дыдых-дыдых... Поезд потряхивало на стыках, за окном — ничего интересного, черные поля да телеграфные столбы...

С тяжким скрежетом отъехала дверь, в купе заглянула проводница:

— Девушка, через полчаса ваша станция.

— Спасибо, — кивнула Иванка.

Дверь снова захлопнулась — с таким звуком, словно огромное чудовище зевнуло, клацнув зубами.

Иванка поежилась, встала, держась за верхнюю полку. От поездов, тем более на внутренних направлениях, она отвыкла. Когда-то давно, в детстве, ездила с родителями в Сочи, в Крым... Один раз — к каким-то родственникам в Челябинск. И все.

В последние годы Иванка только на самолетах летала. А, нет, все-таки в Питер несколько раз пришлось наведаться, на скоростном «Сапсане». Но это небо и земля, если сравнивать пафосный «Сапсан» и этот поезд...

«Собственно, чего я вскочила? Все собрано давно, времени полно...»

Тем не менее Иванка выдернула из-под сиденья чемодан на колесиках. Потом натянула на ноги зимние, теплые ботинки. Накинула куртку.

Уставилась в окно, сдерживая нервную зевоту.

Сначала, садясь в поезд в Москве, Иванка обрадовалась, что поедет в купе одна. Потом затосковала... Столько часов в поезде, и не с кем даже словом перебраться!

За окнами замелькали одноэтажные домишки, поезд стал потихоньку сбрасывать ход. «Пора...»

Иванка резко выдохнула, повернулась.

В зеркале на двери отразилось ее лицо — бледное, взволнованное, почему-то испуганное, на котором выделялись розовые, ненакрашенные губы. Светлые вьющиеся волосы растрепаны, светлые глаза широко раскрыты, блестят. Беззащитное, нежное создание, о котором надо заботиться, которое надо защищать... «Интересно, сколько той Полине лет? На вид — лет тридцать пять. Хм, у меня определенные преимущества, мне-то — всего двадцать девять... Господи, да какая разница, почему мне все эти глупости в голову лезут!»

Иванка с усилием откатила дверь и вышла в тамбур, волоча за собой чемодан, поверх которого пристроила еще сумку.

Поезд остановился, проводница опустила ступени, произнесла дежурно:

— До свидания.

— Доброго пути! — отозвалась Иванка, балансируя на ступенях с чемоданом.

На перроне она опять нервно выдохнула и обнаружила, что холодно — облачко пара изо рта плав-

но растворилось в прозрачном, голубоватом воздухе. «Боже мой, какой тут чистый воздух!»

Огляделась. «Дольск» — надпись на здании вокзала, приземистого, из красного кирпича. Вокруг было довольно мало народу (провинция, да еще конец ноября). Иванку никто не встречал.

Она прошла через здание вокзала и оказалась на улице, у стоянки такси.

— Пожалуйста, мне в гостиницу...

Таксист — унылый долговязый бородач — с трудом зачихнул Иванкин чемодан в багажник стареньких «Жигулей».

— Долго ехать? — спросила девушка.

— Не, минут двадцать-тридцать от силы... Прошу, барышня.

Дольск — насколько его успела изучить Иванка по спутниковой карте, в Интернете — был растянут в длину, словно сосиска. Эта карта отпечаталась в Иванкиной голове. Девушка знала, что ближе к вокзалу в Дольске располагаются какие-то дачные, неказистые деревянные домики, дальше пойдут новостройки (кажется, именно там должна быть и единственная в городе гостиница), а на противоположном конце — старинная часть Дольска. За ней, как показала спутниковая карта, уже начинается лес, чуть ли не несколько сотен километров... Почти тайга.

«Теперь понятно, почему тут такой свежий, чистый воздух, разительно, поразительно отличающийся от московского...»

Дорога шла вниз. Такси довольно долго виляло по шоссе, среди маленьких одноэтажных домишек, окруженных заборами.

— Как в деревне... — вырвалось у Иванки.

— Это частный сектор, барышня, — необидчиво, охотно отозвался таксист. — А дальше нормальные, городские дома будут. Сами-то откуда, если не секрет?

— Из Москвы.

— О, из Москвы! Тогда понятно... Вам тут все деревней будет казаться.

— Воздух здесь чистый.

— Ну, по сравнению с московским!.. — засмеялся таксист.

— А это что? Вон там... Трубы какие-то.

— Где? Это фабрика. У нас фабрика есть, макаронная. Известная! За счет нее весь город кормится, рабочие места и все такое... — сообщил таксист. — Но вы, барышня, не смотрите, что трубы — воздух они не портят. Макароны — это ж вам не какое-то там химвиробводство...

Из-за облаков выглянуло солнце, стремительно, неотвратно озарив светом низину. Маленький серый городишко преобразился буквально на глазах, и стал каким-то сказочным. Игрушечно-сказочным. Словно художник прикоснулся к пейзажу волшебной кистью, расцветил его яркими, сочными мазками.

— А можно на минутку остановиться? — попросила Иванка.

Таксист притормозил.

Девушка вышла из машины, взобралась на бордюрный камень. Отсюда город был как на ладони. Блестящие крыши домов, зеленые, желтые, розовые фасады... Деревья в конце ноября уже голые, но кое-где на ветру, точно вкрапления люрекса, сверкали, переливались нити темно-золотой листвы.

Погода была странная, неуютная — застывшая на грани осени и зимы. Безвременье какое-то... Но выглянувшее из-за облаков солнце разрушило это холодное безмолвие, согрело сердце надеждой.

В этот момент Иванку отпустило. Ушел куда-то неприятный дорожный мандраж; исчезли пустые, лишние, мешающие сосредоточиться мысли — и сразу стало легче дышать.

— Красиво! — улыбнулась Иванка таксисту, вполоборота смотревшему на нее из окна «Жигулей».

Таксист тоже немедленно расплылся в ответной, добродушной улыбке.

Наверное, Иванка ему нравилась. И он ее не торопил. Понимал, принимал ее романтический порыв — то, что попросила специально остановиться, выскочила из машины, стала любоваться городом... Да, такая вот она, Иванка, свободная в своих чувствах, милая, чистая девушка (даже несмотря на то, что приехала из самого ада, из Москвы то есть!).

Иванке был хорошо знаком подобный взгляд, подобное рыцарское отношение. Мужчины всегда отно-

сились к ней покровительственно, считали ее нежным созданием, далеким от всего земного... Даже нахальные уличные приставалы («Девушка, а что вы вечером делаете? Девушка, а давайте познакомимся!») при всей своей назойливости старались не грубить ей, когда Иванка отмахивалась от них, точно от мух.

Такой у нее был типаж. Девушка-ангел. Кстати, очень помогало — и в жизни, и в работе...

— Ой, а там что? Лес? — приподнялась на цыпочки Иванка. — Он, правда, огромный какой!

За домами, вдоль горизонта, тянулась темная, с вкраплениями зеленого и рыжего — густая полоса деревьев.

— Да, лес у нас настоящий! — умилился еще больше таксист. — Вы, барышня, наверное, такого леса и не видели... Звери в нем водятся.

— Звери?

— Кабаны, лоси, волки, лисы... Медведи настоящие!

— Что, не шутите? — поразилась Иванка. — Медведи?

— Да! У меня тесть на охоту в том году ходил, так прямо нос к носу с мишкой столкнулся... Но ничего, обошлось. Мишка пугливым оказался. Едем?

— Да, пора...

...Минут через двадцать «Жигули» притормозили на площади у большого современного здания — гостиницы «Салют». Таксист вытащил из багажника чемодан.

— Надолго к нам? — спросил мужчина приветливо, отсчитывая сдачу с тысячи.

— Не знаю.

— В гости к кому или как?

— По работе. Я журналистка... — туманно ответила Иванка.

— А-а! — с уважением кивнул таксист. — Ну, удачи вам во всех делах.

Помог докатить чемодан до входа в гостиницу.

Номер Иванка забронировала заранее, и, как выяснилось, напрасно — свободных мест было много...

— Иоанна... — глядя в паспорт гостьи, напевно произнесла администратор на ресепшене. — Иоанна Луганская. Господи, какое красивое имя! Как в кино.

— Спасибо, — смущенно улыбнулась Иванка.

— Иоанна... Ии-оо-аанна. А если коротко — то как, извиняюсь за любопытство? — не отставала словоохотливая администратор — пожилая дама с «халой» из волос на голове.

— Иванка. Друзья, родные называют Иванкой.

— Какая прелесть! Иванка! — искренне восхитилась дама. — Если внучка у нас родится, надо тоже Иоанной назвать. Ой, вы не против?

— Что вы! — засмеялась Иванка. — Конечно, не против.

...Номер оказался чистым, уютным и вполне современным. «Удобства» тоже порадовали белоснежным сиянием кафеля и фаянса. Даже телевизор был современно-плоским, жидкокристаллическим.

Когда Иванка развешивала вещи в шкафу, в дверь постучалась горничная:

— Можно? О, как я вовремя... Вот вам еще «плечики» для одежды! Женщинам всегда «плечиков» не хватает, я по опыту знаю.

— Спасибо. И правда вовремя! — приветливо отозвалась Иванка, принимая из рук вошедшей стопку вешалок.

Горничная — молодая, полная, с искрящимися от внутреннего, видимо, природного веселья глазами — тоже чрезвычайно понравилась Иванке. Вообще, Иванке нравилось в крошечном Дольске уже решительно все — и воздух, и лес, и дома, и улицы, и чистенькая гостиница, и приветливые, открытые люди...

— Галя? — глядя на бейджик горничной, спросила Иванка. — А столовая тут есть?

— Бар внизу, и еще ресторан. Так наш ресторан лучше всякой столовой! — немедленно отозвалась горничная Галя. — И недорого. К нам весь город ходит, когда праздники или кто свадьбу когда устраивает.

— Отлично... Да, Галя... Вы чего-нибудь слышали о Дмитрие Гагарине? — секунду помедлив, спросила Иванка.

— Да кто ж у нас о нем не слышал! Его все тут знают! — бурно отреагировала на вопрос Галя. — А вы к нему?

— Да, — серьезно произнесла Иванка.

— Так зря! — огорченно воскликнула эмоциональная горничная. — Он никого не принимает...

— Да? Но я не как посетительница, я — журналистка, — возразила Иванка. — Мне надо взять у него интервью. Собственно, я за этим и приехала в Дольск.

— Вы журналистка! — прижала руки к пухлой груди Галя. — Я так сразу и подумала! Что вы, значит, не просто, а... Ох, ну, вас-то он, надеюсь, примет! А вы где журналистка — на телевидении?

— Нет. — Иванка произнесла название известного глянцевого журнала для женщин.

— Вот это да... Такой человек у нас будет жить... — Галя зажмурилась, закачалась, словно в молитвенном экстазе.

— Гагарин совсем-совсем никого не принимает?

— Совсем! Когда он у нас год назад поселился, сюда пачками народ ездил. Мы прям в гостинице нарадоваться не могли! А Гагарин всем от ворот поворот. Не буду никому помогать, и все тут. Но до сих пор люди едут. Вон, в баре сейчас сидят, я видела, когда мимо проходила. Мать с дочкой, мужчина тоже, писатель, и женщина еще одна, разведенка... — Галя расстроено вздохнула. — Так жалко их, бедных! Но Гагарин — ни в какую...

— А где он сам живет?

— Я объясню. Найти легко. Сели на трамвай, и в ту сторону, где старая часть Дольска, мимо церк-

ви... А на конечной выйти и чуть вперед, и вот он, замок его.

— Замок?

— Ну да. Мы так и говорим — замок, — повторила Галя. — Усадьба, значит, бывшая княжеская. Ихнему роду раньше принадлежала, до революции. Гагарин на нее свои права доказал. Дескать, я — князь, настоящий, мои предки этими местами владели, документы сохранились, все чин чином, законно. Суд был, но такой, несерьезный — быстрый, чисто формально. Его права на замок признали — тем более что тот уж лет десять как в руинах стоял, никому не нужен. И, потом, нам почетно — такой человек будет жить...

— И что? — с интересом спросила Иванка.

— Поселился Гагарин тут, руины стал чинить. Кой-чего подправил, зажил. Но народ так и не стал принимать. В общем, мы в нем все разочарованы.

— А почему он никого не принимает?

— Говорит, отошел от дел, и все такое. Но людям же помощь нужна! — всплеснула руками Галя, явно осуждая бездействие Гагарина. — У всех горе, у всех проблемы! Ладно, пойду я, заболталась. Обращайтесь, если чего.

После ухода горничной Иванка переделалась и спустилась вниз — ей хотелось увидеть людей, которые приехали к экстрасенсу за помощью. Может быть, они еще что-нибудь расскажут о Дмитрие Гагарине?..

В баре — довольно большом помещении с окнами во все стены — сидели несколько человек. Благодаря шустрой Гале Иванка легко «угадала» их: эта парочка за одним столом — толстая женщина постарше и крашенная, с иссиня-черными волосами девица — скорее всего мать и дочь, за барной стойкой пьет коктейль та самая «несчастливая разведенка» — дама неопределенного возраста и размытой комплекции, а у окна, с газетой в руках, курит тот самый писатель — мужчина лет пятидесяти. Ведь только у писателя может быть такой свитер грубой вязки и такое ироническое, печальное, насмешливое лицо, словно говорящее: он-то знает, кто во всем виноват, но лично он тут ни при чем.

Иванка на секунду задумалась... Обратиться сразу ко всем? Не то, балаган какой-то получится. Тогда к кому первому? К писателю? Нет, подойти к мужчине, хоть и по нынешним свободным временам, не воспримут серьезно. Мужчина, может, и будет охотно беседовать с Иванкой, а вот мать с дочерью и разведенка точно отвернутся, не откроются потом ни за что. Подойти к столику, за которым сидят мать с дочерью? Можно. Но их двое, значит, они единым фронтом. Это сложнее... Осталась только разведенка.

Иванка энергичным шагом направилась к барной стойке.

— Мартини, пожалуйста, — легко запрыгнув на высокий стул, решительно бросила она бармену. И тут же, не меняя тона, повернулась к разведенке

и выстрелила информацией в упор: — Только сегодня приехала. А, говорят, Гагарин никого не принимает...

Разведенка старчески пожевала губами, потом сочувственно кивнула:

— Меня он тоже не принял!

Начало было неплохим. Примерно так разговаривают люди в коридоре перед кабинетом врача — сначала без лишних подробностей, коротко, но откровенно и с пониманием. Выплескивают накипевшее. Значит, скоро подключатся и все остальные. Журналистские навыки никогда не подводили Иоанну Луганскую.

— Безобразие... — громко, печально произнесла Иванка.

Разведенка немного оживилась, разделяя озвученное мнение.

Иванка еще раз пригляделась к своей собеседнице. Это была женщина лет сорока (а может, и пятидесяти или нет... тридцати?), с бледным, одутловатым лицом, вялыми губами, мертвыми пергидрольными волосами — оттого и невозможно было точно определить ее возраст. Ножки у женщины, сидевшей рядом с Иванкой, казались тощими, а живот под жиденьким трикотажным свитером — распухшим, вялым, бесформенным. Вот и получалось — ни молодая ни старая, ни толстая ни тонкая... Не женщина, а одно какое-то размытое, бледное пятно.

— И не говорите! — скорбно согласилась разведенка. — Я к нему раза три уже ходила, и все без результата.

— А мы чуть не каждый день там прогуливаемся! — крикнула из-за стола та, что постарше, из парочки мать-дочь. — И все без толку...

— Вот я попала! — с досадой призналась Иванка, обращаясь уже ко всем в зале. Мужчина у окна отложил газету и, затянувшись сигаретой, внимательно уставился на Иванку. Что ж, процесс пошел.

— А вы с каким вопросом? — бесцеремонно крикнула женщина-мать. — Ищете кого или что?

— Я журналистка. У меня задание — взять у Гагарина интервью. Зовут меня Иванкой, — выложила девушка сразу все карты. Подобная откровенность должна была вызвать ответную откровенность у других. Хотя не факт — многие боятся журналистов...

— Как? — захлопала длинными ресницами девушка рядом с матерью. — Как зовут?

— Иванкой. Иоанна я, если точнее.

— Боже, какое красивое имя! — пролепетала девушка. — А я — Кристина. Это моя мама, мамочка Раечка... — Девушка прижалась щекой к круглому материнскому плечу, потерлась о него, точно кошечка.

Иванка повернулась к разведенке. Та не сразу сообразила, что от нее хотят... Но потом все-таки выдала из себя:

— Валентина.

— Очень приятно, — сказала Иванка.

— Волосов, — сдержанно, но громко представился мужчина, сидевший у окна. — Волосов Виктор Андреевич. Ваш коллега, уважаемая Иванка... Я — писатель.

— И тоже к Гагарину?

— Мы тут все к нему! У всех свои проблемы, все нуждаются в помощи... — решительно произнесла «мамочка Раечка». — А он — ни в какую.

— Вы видели Дмитрия Гагарина? Встречались с ним лично? — спросила Иванка.

— Видели его несколько раз! — хищно сообщила активная Раиса, из тех, видимо, кого называют бой-бабами. — Он сюда даже заходил, в бар... Мы к нему, а он одно: «Я больше не практикую как экстрасенс, я больше не практикую...» — передразнила она. — Тьфу.

— Но тут до нас была женщина, он ей помог, говорят, — вступил в разговор Волосов. — Я так понимаю — Гагарин все же помогает, хоть и выборочно. Вот и сидим тут, ждем удобного случая.

— Если вы журналистка — то он, наверное, будет с вами разговаривать, — заметила вялая Валентина. — А у меня горе — муж от меня ушел.

— Надо его найти? — догадалась Иванка.

— Нет, я знаю, где он... У другой женщины. Я хочу мужа вернуть. Гагарин — он все может... — вздохнула Валентина.

— Да, он не только поисковик, — согласился Волосов. — А мне надо Гагарину только один вопрос задать...

— И нам тоже один вопрос надо задать! — переглянулись мать с дочерью и дружно чему-то улыбнулись.

— А если попросить Полину помочь? Она же может на него повлиять? — вдруг озарило Иванку.

— Кого? — наморщила лоб Валентина.

Остальные тоже переглянулись с недоумением.

— У Гагарина есть жена, — пояснила Иванка. — У него жена Полина, сын Артемий...

— Никого у него нет! — с возмущением воскликнула Раиса. — Один он живет.

— Не один, с этим он... — напомнила Кристина.

— Да, Гагарину татарин один помогает, пожилой такой...

— Ибрагим, — подсказал Волосов. — Они вместе замок ремонтируют.

«Ибрагим какой-то... — растерянно подумала Иванка. — А где жена, сын?»

— Но он был женат... Дмитрий Гагарин был женат! — произнесла она вслух.

— Был, точно, — согласилась бой-баба Раиса. — Это мы слышали... Но тут — он один живет. Без семьи.

— Я слышала — развелся он с женой вроде... — вспомнила Валентина. — Имени его жены не помню, но... Да, развелся! И она куда-то уехала с сыном...

— Значит, у него тоже горе, — резюмировала Раиса. — Может, он после развода впал в депрессию?

— Ну и что теперь? Самому не жить, и людям не давать? — кисло возразила Валентина.

— Пройдет у него эта депрессия, гарантирую, — усмехнулся Волосов. — Она не может вечно длиться! Надо только этого момента дожидаться, а там уж он нас всех примет!

Далее разговор потек в том направлении, которое Иванку совершенно не интересовало — одно гадание на кофейной гуще. Ничего конкретного: в депрессии Гагарин — не в депрессии, примет — не примет... Иванка уже поняла, что от этих людей ничего нового не узнает.

Вежливо распрощавшись со всеми и расплатившись за мартини, Иванка вернулась в номер.

К этому моменту уже стемнело.

Она распахнула балконную дверь, вышла наружу. Было холодно, но воздух опять показался Иванке таким чистым, приятным, что она несколько минут стояла на балконе, облокотившись на перила — дышала полной грудью.

Дольск утопал в густом синем сумраке — лишь кое-где светились окна домов, изредка по площади проезжали машины... Было тихо.словно с заходом солнца город заснул.

Эта ленивая, непроглядная темнота, добродушные местные жители... «Хороший городок — Дольск.

Определенно, я осталась бы тут жить!» Вот только с Гагариным проблемы — оказывается, он не идет на контакт. Но это поправимо... Он еще не знает Иванки!

«В разводе. Один. Он один... — Ее теперь волновала эта мысль, словно с самого начала Иванка соперничала с его женой, Полиной. — И что? А то, как мне использовать теперь это обстоятельство...»

Девушка вернулась в комнату, достала из сумки журнал и вновь принялась рассматривать фото Дмитрия Гагарина. Красивое, мужественное лицо, волосы темные, довольно длинные, зачесаны назад, широкие плечи... И холост. «А мне-то что, не замуж же я за него собралась?» — почему-то со злостью на саму себя подумала Иванка.

Достала мобильный, нажала несколько кнопок.

— Стас? Привет, это я, Иванка... Нет, я не в Москве. Спасибо, и тебя тоже. Слушай, у тебя вроде знакомая в «Теленеделе» работает? Она не может мне дать номер Алексея Меркулова, корреспондента? Отлично, скинь эсэмэской... Чао.

Минут через десять мобильный пискнул, сообщая, что пришла почта.

Иванка набрала номер Алексея Меркулова — того самого корреспондента, что написал статью о Гагарине.

— Алло? — не сразу, устало отозвался мужской голос.

— Добрый вечер, Алексей. Вас беспокоит Иванка Луганская. Я по поводу одной вашей статьи...

— Да, слушаю вас, Иванка.

В трубке раздавался какой-то грохот, потом Иванка услышала требовательный, настырный детский крик.

— Вы писали о Дмитрие Гагарине, экстрасенсе... Помните, Алексей?

— Помню, — неожиданно бодро отозвался Меркулов. — Да тише ты... Извините, это я не вам. Сейчас в другую комнату перейду. Лена, мне поговорить надо! Посмотри за Танюшкой... — Опять грохот, шаги, вдруг — тишина.

— Алло!

— Да-да, я вас слышу! — сказал Меркулов. — Что конкретно вас интересует?

— Гагарин, он... он действительно сильный экстрасенс?

— Он настоящий, — серьезно произнес Меркулов. — «Дуэль магов», конечно, шоу — ведь телевидению в первую очередь надо развлекать зрителей, а уж правда жизни — дело десятое, но на этой передаче уж слишком много было всего загадочного, интересного... А Гагарин — сильнейший из участников. Все, что он мне предрек, — сбылось.

— У вас дочка? — улыбнулась невидимому собеседнику Иванка.

— Ага. В то утро, перед интервью с Гагариным, Ленка (это жена моя) встала не с той ноги. Вывалила на меня, что задержка на два дня, что надо тест на беременность купить, что все не вовремя, что, может,